

ТАНЦЫ В КЛУБЕ ЗИМОЙ И НОЧЬЮ

— Хотите написать о нашем художнике? Давно пора. Он у нас пашет, как папа Карло.
— А я и есть папа Карло.
(Из разговора в театре).

Кто не догадался — подсказку: речь идет о главном художнике Башкирского республиканского театра кукол Наиле Байбурине — создателе кукол в спектаклях «Волшебный туесок», «Журавлиные перья», «Старик Альманлар из деревни Альдермеш», «Эгле — королева ужей», «Таганок», «Индийская легенда».

В то время, когда вы читаете этот материал, Наиль с группой артистов кукольного театра гастролирует по Индии. По возвращении он поделится своими впечатлениями на страницах «Вечерки» — такой у нас уговор. А пока коснусь той стороны его творчества, которая находится за бортом кораблика, именуемого «театр».

Истоки

Что ни говорите, а художнику-постановщику кукольного спектакля, в котором оживает та или иная эпоха или страна (будь то древняя Литва, Япония, Индия), приходится дышать воздухом этой страны, как бы растворяться в ее национальной культуре. Но переворачиваются песочные часы — заканчивается рабочий день, раскрываются двери служебного входа, и тогда он — Наиль Байбурин — перестает быть художником театра и становится (в воспоминаниях) босяком жителем деревни Каргалы Благоявского района, в чьем Ибатуллы и Фатымы Терегуловых. К слову сказать, Байбурину удалось установить возраст деревни по генеалогической карте, составленной ее жителем Терегуловым Гиниятуллой. Двухсотлетие Каргалов, основанных в 1780 году выходцами из-под Тамбова, Наиль вместе со своими братьями — Радлем и Алком — отметили велопробегом.

Каргалы, или по-русски «Воронье гнездовье», расположены у подножья невысоких гор, сбегающих волнами земли к долине. Об одной из них Н. Байбурин рассказывал в своих стихах:

«У меня есть друг
Гора Шаблытау.
Раз в году я хлопаю ее
по теплему боку...
Как будет больно для меня,
Если сроят эту гору
Бульдозером.
Между прочим, гора красива
И без моей любви к ней,
Это говорю я вам как
специалист
И не хочу убеждать, вопить,
суетиться,
Потому что знаю —
я до нее
Доберуся,
А пока у меня есть друг,
Люблю.
Он меня поддерживает.
Не трогайте, не убивайте».

Тревожные раздумья о судьбе гор, родине своих предков. Н. Байбурин выразил в картине «Вторжение»: под солнцем времени высокие некогда горы оплавилась, осели и приобрели очертания составившего женского тела. Над ними в небе — молодая летящая женщина с развевающимися волосами,

с вплетенной в них бездной космоса, символизирующая зарождение новой жизни, нового зеленого покрова планеты.

«Вторжение» — выход через миф в новую модель мира.

На другой его картине «Затмение луны, или Танцы в клубе зимой и ночью» сделана надпись: «Каргалинский сельский клуб, гармонист из деревни Каргалыбаш, Еникеевы Талига, Венера поют, Альфия, Аниса танцуют».

Имена — реальные, фигуры — условные, абстрагированные.

«Если бы мои земляки увидели эту картину, — грустно улыбается Наиль, — то растерзали бы меня, наверное, на части».

«По преданию моего народа пятна на луне означают девушку с коромыслом и ведрами по имени Зухра. Она идет по небосклону, разбрызгивая звезды», — гласит надпись на картине. Ей вторит дуэтом: «Ушла с Луны та девушка с волей, что брызги звезд плескала из велер».

Таково горькое резюме художника — как следствие современного прочтения им мифа.

Картина Байбуринна — острый взгляд городского жителя на деревню, утратившую свой первоначальный облик. Идея ее — вторжение массовой культуры в народную образную ткань поэтического склада селянина.

Доверительный разговор

Живописное полотно «Нестовые скачки» — ничего, казалось бы, необычного в себе не несет: полдень, пасторальный пейзаж, белая скачущая лошадь. Необычна рама — в виде дуги или натянутого лука.

Впрочем, о рамах особый разговор. Рама в понятии Н. Байбуринна — не «бесплатное приложение» к картине, тем более — ее украшение, а часть ее. В «Нестовых скачках» она выражает концепцию мифа о роковой преопределенности человеческой жизни (о чем говорят рисунки, нанесенные на деревянный брусок) и служит как бы переходом от объективного окружения к иллюзорному пространству.

Необычной рамой — с атрибутами старинного бабушкиного сундука (медная луна, вырезки из журналов), художник как бы заманивает зрителя в глубь другой картины «Ягодные места», говоря ему: «Потрогайте, это приятно — кожа».

На такой доверительной ноте ведет Н. Байбурин свой разговор со зрителем.

Однажды я увидела Наилу стоящим перед картиной... на коленях. Необычность позы, как выяснилось, была вызвана не столько теснотой мастерской, заставленной театральным реквизитом, сколько убеждением его в том, что выбрал самое удобное положение для работы. Подтверждение своей мысли он нашел в флорентинского художника Пабло Пикассо, который

как-то заметил, что на процесс рисования действует то, как художник работает с холстом. Наиль развил на этой основе свою теорию: когда художник пишет картину стоя — на расстолбной вытянутой руке, он как бы смотрит на нее глазами человека со стороны, принимает, как будет его работа выглядеть в выставочном зале.

Возникает (мысленно) между художником и картиной посредник — зритель. Значит, в мастерской присутствуют двое: художник, его творение и зритель.

Байбурин предпочитает общаться без посредника, ибо посредник — зритель — докучливый человек, его требования бывают излишне навязчивы. И, чтобы избежать этого, художник отодвигает в сторону мольберт, кладет на пол холст и становится перед ним на колени и, что-то шепча, магическими движениями наносит краску...

Формула Аристофана

«Чтобы не быть «очернителем» действительности, я не крашу ее на эскизе, а на самом деле она — черная,

черная, кирпичная, глухая, но двери есть, стена. Итак, начнем сначала: черная, кирпичная, крапчатая наглухо сажей с олифой стена, то есть задняя часть нашей, так сказать, сцены, но без претензий, все просто — черная стена, о-хо-хо! — слышится за стеной звон бубенцов. Черная стена, которая, бедняжка, преграждает пространство в глубину сцены, где находится софит, который мне рисовать некогда и лень...»

И так далее — простым карандашом по «шагреновой» поверхности загрунтованного холста.

Это не литературный опус, — замечу недоумевающему читателю, а подслушанный, точнее подсмотренный монолог художника у своей картины. Текст попеременно с изображением.

Предметом раздумий Байбуринна на этот раз стал комедийный политический памфлет Аристофана «Лисистрата», поставленный на сцене театра кукол.

В основу спектакля была положена гипотеза о том, что Парфенон не был разрушен, древние греки его просто не успели достроить, потому что были заняты войной.

В стихотворении, которое Наиль написал по этому поводу, есть слова:

«...Тем,
Кто выдумал и сделал
этот мир
Таким неудобным и
страшным,
Тем,
Кто начал строить мир
таким прекрасным
Для нас и для детей, и
бросил...
э-эх!»

Действующее лицо картины — «черная стена», вокруг которой накручивается изображение в виде гигантских обломков цивилизации. Что это? Эскиз декорации или станковая живопись?

Скорее всего, второе. Ведь прежде, чем сделать сценический вариант, Н. Байбурин выводит графическую формулу своих раздумий над материалами спектакля и облакает их в словесную форму.

Т. ГИЛЕВИЧ.

Наиль Байбурин сам придумал композицию кадра — попросил сфотографировать его с героями спектакля «Альманлар из деревни Альдермеш». Куклы — прототипы жителей деревни Каргалы, может быть, поэтому художник так по-родственному вписался в их семейный портрет!

Фото В. ОСОТОВА.

